

КАЗАНСКИЙ ЗАГОВОР

Как известно, после третьего раздела первой Речи Посполитой в 1795 г. она исчезает с политической карты мира. Значительная ее часть перешла в руки царской России под названием Царство Польское. Однако польский народ не смирился с таким положением и на протяжении многих десятилетий вел борьбу за независимость. Одна из страниц этой борьбы связана с восстанием 1863-1864 гг. Часть восставших поляков рассчитывала вместе с «Землей и волей» поднять крестьян в России, чтобы отвлечь значительные силы русских войск, находившиеся в Польше, и тем самым облегчить положение повстанцев. Но землевольцы отказались от акции, считая ее безуспешным делом. Тогда агент польского Центрального комитета Иероним Кеневич, который вел переговоры с «Землей и волей» в Санкт-Петербурге, с его согласия стал действовать самостоятельно, решив попытаться организовать крестьянское восстание в приволжских губерниях, чтобы затем перекинуть его на Дон, Укра-

ину и соединить с восстанием в Царстве Польском.

Из всех поволжских городов И. Кеневича больше всего привлекала Казань. И очевидно не случайно. Это был университетский центр на все Среднее и Нижнее Поволжье. В оппозиции правительству находилась часть университетской молодежи. В Казани находился крупный революционный центр. В войсках, расквартированных в Казанской губернии, проходило службу много офицеров и солдат польского происхождения.

В результате появляется грандиозный замысел, именуемый в литературе как «Казанский заговор».

В Национальном архиве Республики Татарстан сохранилось ряд интересных документов об этом заговоре и его последствиях, на основе которых и подготовлена данная публикация.

*И. Кеневич — руководитель
Казанского заговора*

23 мая 1863 г. Иероним Кеневич, поняв, что в Казани поднять восстание не-

возможно, выехал из России в Париж. Он вез туда около 50 тысяч рублей, собранных им для поддержки польских эмигрантов. После передачи этих денег И. Кеневич должен был возвратиться в Россию для участия в восстании. Чтобы избежать ареста на границе, он запасся паспортом на имя некоего Гирша и засвидетельствовал его в русском консульстве в Париже. Польские эмигранты в Париже находились под наблюдением тайных агентов русского правительства; приезд Кеневича с деньгами и его намерение возвратиться в Россию стали известны правительству. 5 июня 1863 г. Кеневича арестовали на русской границе¹.

Спустя чуть более месяца, Третье отделение императорской канцелярии сообщило начальнику Казанской губернии, что, согласно постановлению Особой следственной комиссии, созданной 22 мая 1863 г. с целью раскрытия Казанского заговора, И. Кеневича переправляют в Казань. После его доставки следовало немедленно известить об этом председателя данной комиссии Жданова «и впредь до распоряжения сей Комиссии содержать упомянутого иностранца под арестом»². Вместе с Кеневичем в Казань препроводили его вещи и деньги «означенные в прилагаемой описи»³. «Управляющий отделением Свиты Его Величества» просил уведомить его о получении вещей и денег⁴.

Последний документ, касающийся Кеневича и адресованный казанскому губернатору, датируется 27 апреля 1866 г. и вызывает определенное недоумение. Его автор — генерал-майор Министерства внутренних дел Минской губернии. Он просит губернатора сообщить ему подробные сведения, где в настоящее время находится Иероним-Владислав Францевич Кеневич, сын польского выходца-уроженца вверенной ему губернии, чем «именно конечно дело о нем и не следует ли подвергнуть секвестру или конфискации имущество его, если бы таковое обнаружено было в Минской губернии»⁵.

Очевидно, царское правительство не разглашало факт казни руководителей Казанского заговора, если об этом не знали в Министерстве внутренних дел Минской губернии.

На первой странице документа-запроса есть резолюция: «Уведомлено, что Кеневич по конфирмации Тимашева расстрелян и дело представлено в МВД». Когда было послано уведомление, написано неразборчиво.

Штабс-капитан Н. Иваницкий

Н. Иваницкий был активным участником Казанского заговора. Он завел знакомство со студентом Казанского университета Иваном Глассоном и сделал попытку привлечь его к участию в задуманном. Однако Глассон, решив заработать, донес на Иваницкого. Он написал два анонимных письма с извещением о готовящемся восстании: одно на имя казанского губернатора, второе на имя архиерея.

2 апреля 1863 г. он был уже в столице, в Третьем отделении, где подробно рассказал о своей встрече с Иваницким. Показания предателя доложили императору. Тот отдал распоряжение отправить в Казань для проверки доноса флигель-адъютанта полковника Нарышкина. Последний прибыл в Казань 11 апреля, прихватив с собой и Глассона⁶.

27 апреля Нарышкин отправил прошение казанскому военному губернатору, в котором просил поручить спасскому земскому исправнику «немедленно дознать», у кого именно квартировал штабс-капитан Иваницкий в с. Бездна, провести в его квартире обыск «на тот предмет: не окажется ли там возмутительных бумаг»⁷. При этом Нарышкин просил уведомить его о результатах. Кроме того, он просил военного губернатора «сделать распоряжение о немедленной высылке в г. Казань на земских подводах двух нижних чинов», которые служили в роте, командуемой Иваницким и «во время ареста последнего находились у него в квартире»⁸.

В этот же день флигель-адъютант прислал еще одно прошение за № 26, ко-

торое касалось «немедленного отправления в С.-Петербург содержащегося под арестом Иваницкого в сопровождении жандармского офицера». Кроме штабс-капитана, Нарышкин просил через сутки отправить в столицу студентов Жеманова и Глассона* «сохранив при отправлении тот же порядок — через сутки одного после другого, дабы они не могли встретиться где-либо на станции, причем все они должны быть отправлены до Нижнего Новгорода сухим путем, а не на пароходе»⁹.

Управление Казанского жандармского штаба в своем рапорте докладывало, что на основании требования № 213 штабс-капитану Мейнсгаузену было поручено с жандармом в 12 часов ночи (с 27 на 28 апреля 1863 г.) отправиться «для сопровождения штабс-капитана Иваницкого и доставления его в 3-е отделение Собственной Его императорского величества канцелярии»¹⁰.

Для сопровождения арестованного Мейнсгаузену было выделено 231 руб. 89 коп. в оба пути (прогонные) и примерная сумма на продовольствие сопровождаемого лица и 35 руб. на порцион жандарму¹¹.

1 мая 1863 г. военный губернатор отправил на имя полковника Нарышкина уведомление о том, что «содержавшиеся при городской полиции и арестованные штабс-капитан Иваницкий и студенты университета Жеманов и Глассон отправлены в С.-Петербург в 3-е отделение канцелярии. Первый — 28 апреля** в сопровождении штабс-капитана Мейнсгаузена с жандармом, второй — 29 апреля, третий — 30 апреля, в сопровождении двух жандармов каждый»¹².

4 мая 1863 г. на имя казанского военного губернатора поступил рапорт от спасского земского исправника, касающийся командира стрелковой

роты Иваницкого. Из него следует, что штабс-капитан квартировал в с. Бездна и в марте месяце «вызывал будто бы к себе в квартиру из деревни Болховской крестьянина Матвея Михайлова и советовал, чтобы крестьяне не работали на барина, а лучше всего им идти в солдаты»¹³.

Михайлов, вызванный к исправнику 4 мая 1863 г., объяснил «что Иваницкий действительно вызывал его через фельдфебеля роты Матвея Афанасьева в свою квартиру, расположенную в с. Бездна, и говорил, что земля, должествующая поступить крестьянам в надел, есть не барская, а Божья, почему и не следует им батрачить (т. е. работать) на барина, а лучше идти в солдаты, почему он, Михайлов, прибывший в свою деревню, объявил об этом сельскому старосте»¹⁴.

4 июля 1863 г. комиссия отправилась на имя казанского военного губернатора секретную бумагу с просьбой доставить «безотлагательно в комиссию фельдфебеля 4-й стрелковой роты Охотского резервного батальона Матвея Афанасьевича Матвеева, старшину Спасского уезда Бездненской волости Тимофея Семеновича Соколова, писаря Аркадия Васильева, крестьянина Болховского выселка Матвея Харина и сельского старосту того же выселка Дмитрия Дормидонтова»¹⁵. Они должны были под присягой дать показания для «разъяснения весьма важных обстоятельств по делу штабс-капитана Иваницкого»¹⁶.

20 августа на имя казанского военного губернатора из Следственной комиссии пришла покорнейшая просьба проверить достоверность показаний поручика резервного батальона Томского пехотного полка А. Мрочка об Иваницком. По показаниям первого, Иваницкий якобы «узнав, что в Царстве Польском в костелах поют революционные гимны, имел намерение устроить с этой целью в Казани хор поющих, но мать Иваницкого и какая-то графиня-помещица, узнав об этом, писали» военному губернатору, чтобы тот «роди-

* Это делалось специально, чтобы не выдать Глассона, как провокатора.

** У Б. Козьмина допущена неточность. Он пишет об аресте Н. Иваницкого 29 апреля, что расходится с приводимыми данными в документах. Кроме того, он пишет об отправке в Санкт-Петербург лишь Иваницкого и Жеманова (см.: Козьмин Б. Казанский заговор. — М., 1929. — С. 102).

тельскими наставлениями усмирил эту буйную голову»¹⁷.

19 сентября Жданов вновь обратился в Казань, на этот раз к исполняющему должность начальника Казанской губернии с тем, чтобы в Санкт-Петербург по возможности в скором времени доставили Матвея Харина — временно обязанного крестьянина выселка Болховского Бездненской волости Спасского уезда для очной ставки с Иваницким¹⁸.

Следствие в отношении Н. Иваницкого продолжалось долгие месяцы.

Подпоручик Р. Станкевич

Первый из документов, касающихся Ромуальда Станкевича, был написан исправляющим должность минского гражданского губернатора в адрес казанского военного и гражданского губернаторов и касается письма на польском языке подпоручика Азовского пехотного полка Р. Станкевича к своей матери от 30 мая 1862 г. Его нашли при обыске в бумагах у коллежского секретаря делопроизводителя Минской палаты госимущества Карла Станкевича, родного брата Р. Станкевича¹⁹. Обыск был произведен по указанию Комиссии по политическим делам, учрежденной в г. Минске.

«Письмо это, — пишет минский губернатор, — включает в себе, как видно из прилагаемой при сем засвидетельствованной копии и перевода одного на русский язык, образ мыслей, противный долгу русского офицера»²⁰. В связи с этим он просит, чтобы его казанские коллеги сделали распоряжение «о произведении у подпоручика Р. Станкевича негласного строгого обыска, и затем все бумаги и письма, которые при обыске окажутся на польском языке [...] выслать в означенную Комиссию»²¹.

Из приложенного переведенного письма узнаем, что Р. Станкевич служил в Казани. Служба его тяготила. Тяготили и картины отправления ссыльных в Оренбург и Сибирь. Тяготило то, что «целый народ [поляки] в трауре, когда героизм пожертвований дохо-

дит до высочайшего своего развития»²². Он просил мать, чтобы она молилась за него, чтобы покровительница хранила его от «подлого унижения»²³.

Станкевич сообщал матери, что много времени провел с изгнанниками-земляками, что в Казани он бывает лишь «у нашего семейного офицера и у студентов Залевского, Руткевича — прекрасные молодые люди», что «познакомился с Константиновичем из Виленской губернии, служит здесь в Палате государственного имущества — кажется, хороший человек»²⁴.

Почти через год, 15 мая 1864 г., в Нижний Новгород губернатору поступило донесение без подписи. Из него следует, что Станкевич, подпоручик Азовского батальона 4-й резервной армейской дивизии, состоявший под надзором полиции, скрылся 14 мая.

В документе даются приметы Станкевича (рост средний, волосы русые курчавые, лицо одутловатое некрасивое, лет около 25) и просьба «задержать и арестовать впредь до получения извещения, куда его отправить»²⁵.

3 августа 1863 г. командир 4-го резервного батальона Азовского пехотного полка донес рапортом, что следственное дело о причине побега подпоручика Станкевича находится в полицейском управлении.

Следственная комиссия активно занималась выяснением обстоятельств Казанского заговора, в том числе и его участниками. В связи с показаниями Иваницкого о том, что в апреле 1863 г. в квартире Станкевича был произведен обыск, Жданов просил исправляющего должность начальника Казанской губернии прислать в комиссию акт произведенного обыска у Станкевича и само дело²⁶.

Станкевич принял участие в польском восстании и был взят в плен в феврале 1864 г. в Оршанском уезде Могилевской губернии. На него было заведено особое дело Оршанским уездным судом, которое было отправлено 17 февраля 1864 г. командиру Могилевского батальона внутренней стражи. Ввиду

того что по распоряжению А. Е. Тимашева, временного генерал-губернатора Казанской, Пермской и Вятской губерний, Станкевич был предан военному суду на основании полевых законов, Комиссия военного суда, учрежденная в Казани по политическим делам в марте 1864 г., просила казанского военного губернатора «во избежание излишней проволочки и времени [...] сообщить депешей командиру Могилевского батальона о немедленной высылке произведенного дела о Станкевиче в комиссию»²⁷.

*Показания И. Орлова
и Р. Миттермана*

Иван Орлов был вольнослушателем Казанского университета, одним из наиболее энергичных членов студенческого кружка — «Апостолов», «ходивших в народ» с прокламациями.

6 мая 1863 г. он был арестован и допрошен. Из его показаний, о которых в рапорте начальнику Казанской губернии генерал-лейтенанту Козлянинову сообщал штабс-капитан корпуса жандармов Тетерин, вырисовывается следующая картина.

Осенью 1862 г. в Казань прибыло трое неизвестных лиц, выдававших себя за малороссов: Слядковский, Федоренко и Петрушенко, — с целью создания здесь Народного комитета под руководством Слядковского. С ними И. Орлов познакомился в ресторане Гермона Комонена. Они ему говорили об открытии в Казани тайной типографии, что для ее работы скоро завезут станки. Предлагали И. Орлову стать редактором сочинений, а наборщиков хотели найти из своих знакомых в городе. Вместе с тем просили его достать отпускные студенческие билеты тех студентов, которые во время каникул не будут выезжать из Казани, предлагали даже выкрасть из канцелярии инспектора печатные бланки, а печать надеялись заказать мастеру. Говорили, что к Пасхе ожидают подвоз оружия из-за границы (3 000 французских ружей), которые закупали в Гамбурге²⁸. Отряды для вос-

стания намечали формировать в основном из крестьян. Сообщили, что народные комитеты существуют в Париже и Петербурге, но они, хотя и входят в них, отделились и действуют самостоятельно, а центр у них в Москве. Намечали создать комитет в Казани и установить постоянные отношения с Варшавским комитетом²⁹.

9 марта Слядковский, Федоренко и Петрушенко, встретив И. Орлова вновь в ресторане, дали ему пакет с воззваниями. С ними он отправился в Вятку. Адресов своих они ему не оставили и советовали писать до востребования на имя Адольфа Рихтера и подписываться фамилией «Дневич»³⁰.

На следующий день «апостол» отправился из Казани в Вятку, после Вятки — в Пермь. Вернулся домой 3 апреля. 19 апреля он встретился на улице Воскресенской с Рудольфом Миттерманом*, который попросил зайти к нему и взять у него бумаги, ибо ожидал возможного обыска. Придя к товарищу, И. Орлов взял большую связку бумаг: в ней оказались воззвания, ложные манифесты и прокламации о народном временном правлении.

50 экземпляров И. Орлов передал студенту Николаю Орлову для распространения в Вятской губернии, 50 — вольнослушателю университета Третьякову, отправлявшемуся на каникулы в Пермь, для передачи в г. Оханск находящемуся там под надзором полиции семинаристу Илье Пономареву. Остальные 200 экземпляров он сжег, потому что знал, что его разыскивают, ибо «на днях несколько раз к нему приходили полицейские и спрашивали постоянно, не дома ли Иван Орлов** и не вернулся ли он из Оренбурга?»³¹.

Воззвания, как позже объяснял арестованный Р. Миттерман, он получил от студента Полиновского при следующих обстоятельствах. Вечером 16 или

* Они познакомились через студента Александра Сергеева.

** В конце апреля И. Орлов переехал на временное жилище в д. Ивановку в окрестностях Кулаева, где и был арестован. По Б. Козьмину Орлов попадает в руки полиции в г. Нолинске Вятской губернии 2 мая (см.: Козьмин Б. Казанский заговор. — М., 1929. — С. 102).

17 марта Миттерман отправился к знакомому через Иваницкого офицеру А. Мрочеку, который служил в Спаске и, бывая в Казани, останавливался у француза Лежена. Не застав Мрочека дома, он пошел к знакомому Станкевичу, жившему на 1-й горе в д. Тельмана. У Станкевича он встретил десять неизвестных ему лиц. Среди них одного офицера и человека, одетого в коричневый пиджак, который рассказывал, что ехал маршрутом Петербург — Нижний Новгород — Казань, привез 200 револьверов и попросил присутствующих разобрать их. Наставлял, что когда придет время, то те, кто решится, должны ехать по деревням уговаривать мужиков вооружиться косами и идти в Ижевск за оружием, где имеется 30 000 ружей. Если же мужики не согласятся идти без оружия, то им следует раздать на время привезенные им револьверы, а еще подкупить оружие. Из Ижевска следовало идти в Казань. После выступавший стал доставать из деревянного ящика револьверы и раздавать присутствующим.

От Станкевича неизвестный вместе с Миттерманом отправились к студенту Полиновскому, квартировавшему на улице Воскресенской. У него они застали семь или восемь незнакомых человек. Приезжий сделал замечание Полиновскому, чтобы он убрал бумаги, лежавшие на стуле, и спрятал, ибо может нагрянуть полиция «и тогда будет скверно»³². Полиновский передал их Миттерману и попросил отнести к себе домой и подержать день или два, а затем он за ними прийдет.

Миттерман встречался с Иваницким, который во время одного из разговоров сказал, что надо ехать в Польшу, что там «страшно много наших поляков бьют»³³.

25 и 26 марта штабс-капитан Иваницкий был в доме Миттермана и сообщил, что в Казань приехал поручик Генерального штаба М. Черняк узнать, готова ли Казань к восстанию. На что будто бы Иваницкий ответил, «что у него готово для этого 8 000 народу»³⁴. Чер-

няк пробыл в Казани дня два или три, уезжая, обещал Иваницкому прислать человека с револьверами. «Так что вышепрописанная личность в пиджаке и есть посланный от Черняка, как Миттерман слышал от Полиновского»³⁵. Кстати, Миттерман был арестован после допроса И. Орлова³⁶.

Полиновского задержал жандармский офицер Тетерин — автор рапорта³⁷.

Дело о револьверах имело продолжение. Как докладывал представитель Министерства внутренних дел при начальнике Вятской губернии 28 июня 1863 г., в Казани на собрании 16 или 17 апреля у Станкевича револьверы раздавал прибывший из Москвы под фамилией *Ост-Сенковский** и выдававший себя за студента Петербургского университета. Все участвовавшие в собрании были поляками. Их фамилии, кроме Миттермана и Мрочека, «еще не открыты». Затем в тот же день собрание было у Полиновского, к которому привезли четыре револьвера, из них два отдали Мрочеку, а остальные два отнесли на другую квартиру, где Полиновским были отданы тоже Мрочеку. Кроме того, один револьвер был у И. Орлова, который он продал неизвестному человеку. «Миттерман с Сергеевым тоже имели два револьвера, которые остались у них в квартире, никому не передаваемые»³⁸.

В ночь с 19 на 20 мая в Вятку был доставлен гимназист Виктор Миттерман (младший). Но оказалось, что он не принимал участие в известном деле. Арестовать и немедленно доставить в Вятку следовало его брата Рудольфа (старшего). Ошибка, по объяснению задержанного, произошла от того, что в Казани всегда Рудольфа считали младше Виктора³⁹.

Вятская охранка считала, что Виктора Миттермана необходимо оставить в Вятке под надзором полиции до приезда Рудольфа.

* Речь идет о студенте Петербургского университета О. Я. Сильванде.

*«Казнить смертью
расстрелянием»*

5 июня 1864 г. А. Е. Тимашев информировал казанского военного губернатора о том, что Комиссия военного полевого суда, учрежденная в Казани по политическим делам, представила ему на конфирмацию ее решение о штабс-капитане 4-го резервного батальона Охотского пехотного полка Н. Иваницком, поручике резервного батальона Томского пехотного полка А. Мрочке, исключенном из рядов армии подпоручике бывшего 4-го резервного батальона Азовского полка Р. Станкевиче и «называвшем себя французским подданным», дворянине Минской губернии И. Кеневиче, осужденных на основании «высочайшего повеления» за политические преступления военным, по Полевому уголовному уложению, судом⁴⁰.

Комиссия «по собственному их признанию и обстоятельству дела» признала всех четверых виновными.

Н. Иваницкий обвинялся в том, что не донес правительству о «преступных замыслах Черняка», который приезжал в Казань «в марте 1863 г. под именем агента Московского революционного комитета, чтобы разузнать местность и произвести волнения, для отвлечения войск из Польши», что предлагал свои услуги Черняку «к возбуждению революции» с целью домогательства от правительства уступок в польском вопросе, что познакомил поручика Черняка с кружком университетских студентов, с которыми Иваницкий, в присутствии Черняка, вступал «в разговоры возмутительного содержания, развивал планы взятия Казани и Ижевского завода, указывал на необходимость приступить к делу ранней весной и по получении известий о последствиях пребывания в Казани студента С.-Петербургского университета Сильванда писал Мрочке, что нужно действовать там, где можно захватить оружие и боеприпасы, надо сосредоточиться в известном месте, завладеть пароходами и потом можно действовать быстро на всем

протяжении Волги и Камы, что в письме, отправленном через студента Глассона к студенту Жеманову, высказывал полное сочувствие “к замышляющемуся восстанию и преданность этому делу”, что принял непосредственно меры по укрытию Черняка от преследования правительства, что откровенно высказал заявление о своем сочувствии к польскому восстанию, о своей готовности встать в ряды “инсургентов”, что приобретал и хранил у себя “возмутительные воззвания и ложные манифесты”, будто данные государем императором в Москве 31 марта, что незаконно приобрел два подорожных бланка, один из которых “по собственным словам” взял тайно у квартирмистра Свинцинского, а другой получил “непрописанным” от казначея штабс-капитана Старова, что вел преступные разговоры с крестьянином села Бездна Хориним с целью испытать, насколько подготовлен народ к восстанию»⁴¹.

Вслед за Иваницким обвинение предъявлялось А. Мрочке. Ему инкриминировалось следующее: знал и не донес начальству о преступных умыслах поручика Черняка и штабс-капитана Иваницкого «произвести восстание в Казанской губернии», принял непосредственное участие «в осуществлении преступных намерений Черняка и Иваницкого, принимал меры к “сокрытию” Черняка от преследования правительства; самовольно отлучался в Москву, где под чужой фамилией разыскивал Черняка»⁴².

Р. Станкевича обвиняли в побеге со службы в Польшу, чтобы стать в ряды инсургентов, в участии в замысле о подготовке восстания в Казанской губернии, в снятии квартиры для вторичного приезда Черняка в Казань, в получении от него из Москвы телеграммы с извещением о времени его приезда, принятии заведомо у себя на квартире посланца Черняка — Сильванда с манифестами, воззваниями, деньгами и оружием, приобретении фальшивых документов и их использовании, ложных показаний при допросах⁴³.

И. Кеневич навлекал на себя сильные подозрения по уликам и обстоятельствам «как главный распорядитель в рассылке эмиссаров в поволжские губернии, в снабжении их экземплярами ложного манифеста, фальшивыми видами на свободный проезд, деньгами на путевые издержки»⁴⁴. Он добровольно сознался, что «не только не донес на лиц, являвшихся к нему с письмами и повелениями об уплате налога в пользу польской революции и о немедленной явке его на театр войны, но и сам эти письма или возвращал назад, или сжигал; в том, что в декабре 1862 г. проживал в Москве в гостинице Шевалдышева, по чужому паспорту, заявив свой собственный в другой части города»⁴⁵.

Военный суд, сопоставив «все вышеизложенные преступления с полевыми законами, постановил: подсудимых штабс-капитана Н. Иваницкого (27 лет), поручика А. Мрочека (30 лет) и подпоручика Р. Станкевича (27 лет) на основании [...] соответствующих статей Военного уголовного уложения, лишив чинов, медалей и всех прав состояния, казнить смертью расстрелянием»⁴⁶.

Что касается И. Кеневича (30 лет), то на него у охранки не было «полных юридических доказательств», и его оставили «в сильном подозрении». Тем не менее суд лишил его всяких прав состояния и решил, как и его товарищей, «казнить смертью расстрелянием»⁴⁷.

А. Е. Тимашев утвердил предлагаемое решение: всех четырех подсудимых «за перечисленные преступления на основании приведенных законов и согласно приговору военно-полевого суда, лишив всех прав состояния, а первых троих чинов и медалей, казнить смертью расстрелянием»⁴⁸.

Поручик Генерального штаба М. Черняк

М. Черняк был одним из активных участников Казанского заговора. Однако ему удалось избежать ареста и в течение восьми месяцев скрываться в Витебской губернии.

Летом 1864 г. его фамилия вновь

появилась в секретной переписке между Третьим отделением императорской канцелярии и генерал-адъютантом А. Е. Тимашевым⁴⁹. В документе от 22 июля 1864 г. читаем следующее: «В Динабурге на железной дороге задержан и доставлен по распоряжению главного начальника Северо-Западного края в Вильно намеревавшийся пробраться за границу неизвестный человек, который назвал себя сначала Шишко, потом сознался, что он поручик Черняк»⁵⁰.

Управляющий Третьим отделением просил Тимашева сделать распоряжение «дабы производившееся о сем офицере дело» в Главной следственной комиссии в Казани под председательством тайного советника Жданова «немедленно препроводить для совместного рассмотрения одного с делом находящимся в Вильно о поручике Черняке к виленскому генерал-губернатору»⁵¹. Вместе с тем управляющий сообщил А. Е. Тимашеву, что он уведомил о своем контакте с последним генерала от инфантерии М. Н. Муравьева и просил его отдать распоряжение приостановить дело о Черняке до получения дела из Казани⁵².

В этот же день появились еще два документа, но без подписи. Одно на имя управляющего Третьим отделением императорской канцелярии, другое на имя начальника Северо-Западного края. По их содержанию можно предположить, что их автором является Тимашев.

В первом письме дается уведомление, что «следственное производство бывшей в Казани Главной следственной комиссии по политическим делам, в котором заключаются все сведения об участии поручика Генерального штаба Черняка в замышлявшемся в Казани вооруженном восстании, в минувшем июне месяце, по окончании военно-полевого суда над политическими преступниками первой категории передано в Казанский уголовный суд для определения меры вины и ответственности лиц второй категории, виновных в тех же преступлениях и содержащихся в

числе 17 человек под стражей, и потому означенное следственное производство не только теперь, но и в скором времени не может быть отослано к г. виленскому генерал-губернатору, так как оно подлежит рассмотрению»⁵³. Далее автор сообщает, что «по делу о вооруженном восстании поручик Черняк обвиняется, как защитник и главный двигатель сего замысла»⁵⁴. По изложенным обстоятельствам он полагал, что Черняк должен быть подвергнут следствию и суду за преступления в Казани, и после сбора всех сведений «о преступной его деятельности в пределах ведомства виленского генерал-губернаторства [...] должен быть отправлен в Казань для установления учиненных здесь им преступлений и для предания заслуженному наказанию»⁵⁵.

6 сентября 1864 г. генерал-адъютант А. Е. Тимашев в своем письме на имя казанского военного губернатора дает поручение, чтобы состоящий при штабе последнего для особых поручений подполковник Рубанов «по доставлении в Казань поручика Черняка немедленно произвел над ним законное исследование при посредстве казанского жандармского штаб-офицера полковника Ларионова». Вместе с тем он просит «дать знать о вышеизложенном Казанскому уездному суду, в рассмотрении коего находится в настоящее время следственное дело о политических преступлениях второй категории, по которому обвиняется Черняк»⁵⁶.

В Вильно следствие Черняка велось до весны 1865 г. После его завершения Муравьев отправил арестованного в Третье отделение императорской канцелярии и уведомил генерал-адъютанта князя В. А. Долгорукого, что «действия Черняка в вверенной ему губернии достаточно обследованы»⁵⁷. 19 марта Черняк, прибывший в Казань, переправляется к губернскому военному начальнику «для помещения в Казанский военный тюремный замок в особую, секретную камеру»⁵⁸.

Через неделю Казанская палата уголовного суда сообщила казанскому гу-

бернатору о том, что еще 13 ноября 1864 г. из Казанского уездного суда в палату на ревизию поступило дело о лицах, преданных суду в обыкновенном прядке за участие в противоправительственной пропаганде и преступном умысле произвести в г. Казани вооруженное восстание. Из числа преданных суду лиц студенты Казанского университета Сергеев, Полиновский, Жемапов, Лаврский и Щербаков сознались, что офицер Черняк вечером 15 марта был в квартире Полиновского, где они собрались вместе, и назвал себя агентом Московского революционного комитета, присланным в Казань «для разужнения местности и средств для восстания», развивал план самого восстания, говорил о средствах комитета, вербовке людей, приглашал их принять участие в замышлявшемся восстании, объяснял, что оно должно начаться весной 1863 г. Однако студенты не изъявили желания быть участниками восстания»⁵⁹.

То, что происходило в квартире Полиновского, подтвердил штабс-капитан Иваницкий.

Последующие события, с точки зрения палаты, например, присылка в Казань студентам писем, денег, оружия и прокламаций, а также желание студентов предупредить приезд Черняка в Казань, чтобы он не попал в руки полиции, показывают, что упомянутые студенты, если не сами составляли группу действия и совещались с Черняком в бытность его в Казани, то сочувствовали замыслам Черняка и изъявляли полное согласие на предлагаемые им планы»⁶⁰.

Для выяснения всех деталей, касающихся студентов, требовалось допросить Черняка. От его показаний в целом зависела судьба 14 человек⁶¹. Поэтому палата просила до высылки в Казань самого Черняка прислать его показания как можно быстрее»⁶².

Из имеющихся у нас архивных документов неизвестно, как содержали Черняка в секретной камере. Единственный сохранившийся документ — рапорт казанского коменданта от 30 марта 1865 г.

об обращении заключенного к дежурному по караулам 29 марта по поводу своих вещей и денег (18 руб. 10 коп. серебром), которые у него отобрали при отправлении в Казань и после прибытия были сданы сопровождавшими его жандармами в канцелярию губернатора.

Комендант испрашивал разрешения губернатора на выдачу Черняку его собственных денег «на предьявленную им крайнюю нужду и обзаведение постельной принадлежностью»⁶³.

Ответа в документах нет. Однако есть совершенно секретная бумага, причём без адресата и подписи, датированная 27 мая 1865 г. В ней говорится: «По степени виновности поручик Черняк принадлежит к первой категории лиц, замышлявших произвести в Казани вооруженное восстание»⁶⁴.

Лица этой категории были судимы военно-полевым судом и по конфирмации генерал-адъютанта Тимашева четыре человека были расстреляны, а пять человек сосланы на каторжные работы.

Генерал-адъютант Тимашев находил, что Черняк, который в то время еще не был разыскан, на основании существующих «узаконений» и по обстоятельствам дела должен был быть подвергнут следствию и суду в Казани.

23 июня Министерство внутренних дел послало сообщение начальнику Казанской губернии о том, что военный министр сообщил министерству мнение императора по делу Черняка о

предании его военно-полевому суду «с тем, чтобы суд производился порядком, для мирного времени установленным, а приговор был постановлен по полевым законам и с представлением права окончательной конфирмации по сему делу командующему войсками Казанского военного округа»⁶⁵.

Вместе с тем Министерство внутренних дел препроводило в Казань 32 дела «о политических преступниках, осужденных в Казани по полемому уголовному уложению» и просило начальника Казанской губернии передать эти дела для извлечения сведений о поручике Черняке командующему войсками Казанского военного округа с тем, «чтобы означенные дела, по миновании надобности, были возвращены для хранения в МВД»⁶⁶.

9 октября 1865 г. начальник штаба Казанского военного округа представил казанскому губернатору приговор по делу Черняка. Из него следует, что по конфирмации командующего Казанским военным округом Черняк должен быть расстрелян «за политическое преступление». Казнь назначалась на 10 часов утра «за Подлужной слободой»⁶⁷. В связи с этим начальник штаба просил «сделать распоряжение о назначении на место казни полицейских чиновников и нужное число нижних чинов и казачьей команды для охранения порядка»⁶⁸. 11 октября 1865 г. М. Черняк был расстрелян.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Козьмин Б. Казанский заговор. – М., 1929. – С. 111.
2. НА РТ, ф. 1, оп. 2, д. 1878, л. 1-1 об.
3. Там же, л. 1 об.
4. Там же.
5. Там же, д. 2128, л. 6.
6. Козьмин Б. Указ. соч. – С. 87-89.
7. НА РТ, ф. 1, оп. 2, д. 1875. л. 19.
8. Там же, л. 19 об.
9. Там же, л. 23.
10. Там же, л. 27.
11. Там же, л. 27 об.
12. Там же, л. 42.
13. Там же, л. 46.
14. Там же, л. 46 об.
15. Там же, л. 61.
16. Там же, л. 66.
17. Там же, л. 66-66 об.

18. Там же, л. 71.
19. Там же, д. 1900, л. 1.
20. Там же.
21. Там же.
22. Там же, л. 4.
23. Там же, л. 4 об.
24. Там же.
25. Там же, л. 20.
26. Там же, л. 23.
27. Там же, л. 28-28 об.
28. Там же, д. 1906, л. 33-33 об.
29. Там же, л. 34.
30. Там же, л. 34 об.
31. Там же, л. 35-35 об.
32. Там же, л. 37.
33. Там же, л. 37 об.
34. Там же.
35. Там же.
36. Козьмин Б. Указ. соч. – С. 9.
37. НА РТ, ф. 1, оп. 2, д. 1906, л. 37 об.
38. Там же, л. 46 об.
39. Там же, л. 27.
40. Там же, д. 2032, л. 11 об.
41. Там же, л. 11 об., 12-12 об.
42. Там же, л. 12 об., 13-13 об.
43. Там же, л. 13 об.-14.
44. Там же, л. 14.
45. Там же, л. 14-14 об.
46. Там же, л. 14 об.
47. Там же, л. 14 об.-15.
48. Там же, л. 17 об.
49. Там же, д. 2045, л. 4 об.
50. Там же, л. 4-4 об.
51. Там же, л. 8.
52. Там же, л. 5.
53. Там же, л. 6.
54. Там же, л. 6 об.
55. Там же, л. 8.
56. Там же, л. 2-2 об.
57. Там же, л. 19.
58. Там же, л. 24 об.
59. Там же, л. 25.
60. Там же.
61. Там же, л. 27.
62. Там же.
63. Там же, л. 29-29 об.
64. Там же, л. 31 об.
65. Там же, л. 41-42.
66. Там же, л. 41 об.-42.
67. Там же, л. 59 об.
68. Там же.

Яков Гришин,
доктор исторических наук,
Дамир Шарафутдинов,
доктор исторических наук

